
ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 8 (502). С. 73–80.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(8(502):73-80.

Научная статья

УДК 111

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-502-8-73-80

ОБЩНОСТЬ СТРУКТУРЫ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Дмитрий Михайлович Федяев¹✉, Наталья Дмитриевна Федяева²

¹ Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, fedyaev@omgpu.ru

² Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, ndfed@yandex.ru

Аннотация. Показано, что метафизические системы, относящиеся к разным философским течениям и направлениям, имеют общую структуру, основанием которой является предельная категория, не имеющая определения, но определяющая последующее содержание. Некоторые известные учения, не относящиеся непосредственно к метафизическому философскому жанру, имеют в основании аналогичную метафизическую структуру, например, философия жизни в версии А. Шопенгауэра, диалектический материализм, экзистенциализм, философское содержание буддизма. Она же воспроизводится в научном знании. В основе научной теории находится категория предельной для ее содержания общности, как в естественных, так и гуманитарных науках. Идеальный (идеализированный) объект, как и предельная категория метафизики, отображает нечто, реально не существующее: точечную массу, идеальный газ, тип языка, исторический период и др. Есть основания считать, что принцип построения метафизики носит универсальный характер.

Ключевые слова: метафизика, бытие, субстанция, единое, материя, воля, нирвана, экзистенциальное переживание, наука

Для цитирования: Федяев Д. М., Федяева Н. Д. Общность структуры метафизических систем // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 8 (502). С. 73–80. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-502-8-73-80.

Original article

THE COMMONALITY OF METAPHYSICAL SYSTEMS STRUCTURE

Dmitriy M. Fedyaev¹✉, Natalia D. Fedyaeva²

¹ Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, fedyaev@omgpu.ru

² Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, ndfed@yandex.ru

Abstract. In the article it is shown that metaphysical systems belonging to different philosophical trends and directions have a common structure, the basis of which is the ultimate category that has no definition but determines the subsequent content. Some well-known doctrines that are not directly related to the metaphysical philosophical genre are based on a similar metaphysical structure, for example, the philosophy of life in A. Schopenhauer's version, dialectical materialism, existentialism, the philosophical content of Buddhism. It is also reproduced in scientific knowledge. At the basis of scientific theory there is the category of ultimate commonality for its content, both in natural sciences and humanities. An ideal (idealized) object, like the ultimate category of metaphysics, reflects something that does not really exist: a point mass, an ideal gas, a type of language, a historical period, etc. There are reasons to believe that the principle of metaphysics construction has a universal character.

Keywords. Metaphysics, existence, substance, unity, matter, volition, nirvana, existential experience, science.

For citation: Fedyaev DM, Fedyaeva ND. The Commonality of Metaphysical Systems Structure. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(8(502):73-80. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-502-8-73-80.

Введение

Предмет нашей статьи — строение метафизических систем. Последовательность строения обуславливает результат, то, что именно оказалось построенным. Если типичный дом начинают строить от фундамента, последовательно продвигаясь к крыше, то метафизическая система может строиться и от крыши к фундаменту, но в результате метафизическое строение приобретает традиционную структуру.

Не будем спорить о ключевых дефинициях метафизики. Возьмем общепринятое ее понимание: 1) учение о сверхчувственном (Аристотель); 2) ядро, центральная главная часть философии, ее основание (Р. Декарт). Согласимся с мнением, согласно которому метафизике присущ особый догматизм, преодолевающий скептическое мировоззрение благодаря «уверенности субъекта в объективности сверхчувственного мира, на основе которой и становится возможной метафизика...» [1, с. 54–55]. Сосредоточимся на структуре, присущей метафизическим системам.

Материалы и методы исследования

Методом будет сравнение конструкций, построенных традиционно для жанра метафизики. Условно их можно разделить на три типа. Первый отличается метафизической чистотой, явным приоритетом сверхчувственного, тогда как чувственное (философская конкретика) является иллюстративным материалом (Платон плюс Ж. Деррида, Г. Гегель, Б. Спиноза). Для второй идеи, способствующие постижению сверхчувственного, служат инструментами, позволяющими вскрыть сущность и формы проявления жизненных процессов чувственного мира (А. Шопенгауэр, В. И. Ленин, Ф. Энгельс). Творцы и их последователи, представляющие третий тип, по-видимому, заняты «человеческим, слишком человеческим», а метафизические конструкции они создают как будто мимоходом (Гаутама-Будда, экзистенциалисты). Сравнение, согласно нашей гипотезе, должно показать принципиальное сходство результатов построения. Затем мы попытаемся сопоставить метафизическое конструирование с наиболее простыми и доступными вариантами изложения основ некоторых наук в их «школьных» версиях.

Результаты исследования и их обсуждение

Одной из наиболее авторитетных вариантов изложения метафизики является «Логика» («Наука логики») Г. Гегеля. Открываем *Учение о бытии*. Исходным пунктом является неопределяемое «пустое» бытие, Бытие есть ничто, но истина бытия и ничто раскрывается в становлении. Результатом

становления оказывается вполне определенное нечто — наличное бытие, которое характеризуется качеством, количеством и мерой.

В *Учении о сущности* мы «входим в ядро» диалектики — идею противоречия. Есть основания считать, что для становления гегелевского учения о противоречии роль ньютонова яблока сыграло дифференциальное исчисление.

Деление сущего математикой Нового времени отвечало группе задач по расчету неравномерного движения. Разделив пройденный путь на соответствующий временной интервал, мы получим среднюю скорость. Далее пойдем по пути Парменида и Зенона: будем делить временной интервал — до бесконечности, ибо «фаустовская» культура в отличие от античной не признает ограничений. На этом пути мы приходим к центральному понятию дифференциального исчисления — производной. Производная в физическом смысле означает мгновенную скорость, то есть скорость в течение промежутка времени, бесконечно приближающегося к нулю. Между тем самое понятие скорости предполагает некоторый путь и время, в течение которого его проходят. Таким образом, получилась скорость и не-скорость, то есть нечто явно нелогичное.

Реакция математического сообщества на открытие дифференциального исчисления живо напоминала реакцию «естественников» и врачей на открытие микромира. Так, некоторые маститые врачи были настолько возмущены наличием невидимых существ, способных вредить людям, что отказывались смотреть в микроскоп. Аналогично, известные авторитетные математики, гордившиеся безупречной логикой своей науки, упорно не принимали нового метода, несмотря на его широкие практические возможности.

Гегель обращается к дифференциальному исчислению во втором разделе «Учения о бытии» в разделе «Бесконечность определенного количества». Отмечается, что математика, «применяя метод своего бесконечного, <...> находит *главное противоречие в самом характерном для нее методе*, на котором она вообще основывается как наука». [4, с. 322]. Метод смущал своей нелогичностью, но оправдывался результатами. В связи с этим Гегель пишет, что «если метод и применение бесконечного и находят оправдание в успехе, то все же требовать их обоснования не так излишне, как представляется излишним, например, требование доказать право пользоваться собственным носом» [4, с. 323]. Гегелевское обоснование оказывается в высшей степени впечатляющим: Ге-

гель придает противоречию всеобщий характер, критикует формальную логику, начиная с закона тождества. Далее тема сущности разворачивается в ряде категорий, образующих пары противоположностей.

В *Учении о понятии* имеется краткое резюме всех трех разделов: «Переход в другое есть диалектический процесс в сфере *бытия*, в видимость, отражение в другом, есть диалектический процесс в сфере *сущности*. Движение *понятия* есть, напротив, *развитие*, посредством которого полагается лишь то, что уже имеется в себе» [3, с. 266]. Далее следует общеизвестная аналогия с развитием растения из своего зародыша, содержащего в себе все растение, но идеальным образом. Стоит попытаться перенести эту аналогию на человека. Если мы занялись, к примеру, философией, то пределом честолюбивых устремлений может быть только мечта о том, что о нас скажут: «Это Философ!». Понятие — то состояние, которое должен принять объект в финале развития. Объект, согласно Гегелю, есть реализация понятия.

Наконец, выходим на идею, которая, согласно Гегелю, есть абсолютное единство понятия и объективности. Абсолютная идея есть «единство идеи жизни и идеи познания» [3, с. 340]. Абсолютную идею Гегель сравнивает со стариком, высказывающим то же самое религиозное содержание, что и ребенок, но для которого оно является смыслом всей его жизни.

Образы старика и ребенка, взятые в обратном порядке, фиксируют начало и завершение гегелевской «Логике». Ребенок знает о бытии Бога, знаком с заповедями, соответственно которым следует жить. Старик, что вполне возможно, не является знатоком религии и теологии, знает о Боге и его учении не слишком много, но он это знание прожил. Соответственно, в начале работы читатель встречает неопределимые бытие и ничто, в финале же приходит вслед за автором к абсолютной идее.

Как известно, философия **Платона** является началом линии, которую Гегель продолжил. Основы платоновского учения широко известны. Каждому классу вещей соответствует идея. Идеи могут обладать разными степенями общности, так, что они образуют пирамиду — от общих идей к предельно общей идее. На вершине пирамиды Платон расположил идею Блага, что может вызвать некоторое сомнение: является ли благо предельным? Поскольку оно безусловно позитивно, нельзя ли его все же определить? Продолжил и завершил построение пирамиды Плотин, расположив на вершине Единое, аналогичное Первоединому.

Приведем характеристику первоединого, данную Б. Расселом. «Первоединый несколько туманен. Он иногда называется Богом, иногда — Благом; он превосходит Бытие, которое следует сразу за Первоединым. Мы не должны приписывать ему предикаты, но говорить только «Он есть» (это напоминает Парменида). Ошибочно было бы говорить о Боге как о «Всем», так как Бог превосходит Все. Бог присутствует во всем. Первоединый может присутствовать, не нуждаясь в каком-то приходе: «Тогда как он нигде — это уже не нигде». Хотя о Первоедином иногда говорится как о Благе, нам сказано также, что он предшествует и Благому и Прекрасному» [11, с. 275]. Таким образом, Первоединый столь же неконкретен и неопределим, как бытие, образующее исходную точку гегелевского построения метафизики.

Ж. Деррида в своем осмыслении платоновских диалогов особое внимание обращает на *pharmakon*, одним из проявлений которого является особенность записанных текстов, заключающаяся в искажении их первоначального смысла, вложенного в момент произнесения, термин, означающий одновременно лекарство и яд, которые внедряются в тело речи. «Эти чары, эта способность соблазнять, эти магические силы могут быть попеременно или одновременно — благотворными и пагубными. *Pharmakon* оказывается как будто некоей *субстанцией* со всеми коннотациями, подразумеваемыми этим словом...» [6, с. 83]. *Pharmakon* имеет множество значений, например отец логоса, а кроме того «семя, вода, чернила, ароматизированная краска» [6, с. 191] и др.

Pharmakon не обладает никакой идеальной тождественностью ... Но в то же время это не что-то составное... Скорее, это предшествующая среда, в которой осуществляется сама дифференциация...» [6, с. 158]. «Если *pharmakon* амбивалентен, то лишь затем, следовательно, чтобы создавать среду, в которой противопоставляются противоположности... *Pharmakon* — это движение, место и игра (производство) различия... В запасе он держит различия и распри, которые разграничение в будущем выделит в нем... Из этого фонда диалектика будет черпать свои философемы» [6, с. 160–161].

Д. Кралечкин, автор перевода «Диссеминации», в своем послесловии к работе Деррида соотносит его философскую позицию с гегелевской, усматривая в последней некую «непристойность» и «господский жест», оказавшиеся несостоятельными в ходе истории, которая продемонстрировала расхождения со спекулятивными содержаниями [6, с.

560–561]. Не будем спорить, поскольку в аспекте нашей темы существенно другое — совпадение общей логики построения философии Платоном (в версии Деррида) и Гегелем — от неопределенного, неопределенного начала к качествам и противоречиям к философской конкретике.

Б. Спиноза, приверженный геометрическому методу исследования, начинает «Этику» с определений предельных понятий. «Под *причиною самого себя* (causa sui) я разумею то, сущность чего заключает в себе существование, иными словами, то, чья природа может быть представляема не иначе, как существующею. Под *субстанцией* я разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, т.е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться» [12, с. 361]. «Под *богом* я разумею существо абсолютно бесконечное... т.е. субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность» [12, с. 361–362]. И здесь началом построения оказывается нечто исключаящее попытки определения по правилам формальной логики.

Затем, как и у Гегеля, осуществляется переход к относительной конкретике — состояниям субстанции — модусам. Далее по мере возможности раскрываются атрибуты и модусы, говорится о Боге и божественной природе, о разуме и воле, природе и происхождении души, сущности человека, движении тел, об аффектах, истинном познании добра и зла, о добродетели. Финал — любовь души к богу. Если мы прочитаем «Этику» Спинозы, будучи уже знакомыми с «Логикой» Гегеля, возможно появление ассоциации с гегелевским стариком, который прожил религиозное учение.

Поскольку Платона, Гегеля и Спинозу допустимо, хотя и с некоторыми натяжками, отнести к общей философской парадигме, стоит обратиться к философам, которые в нее не входят, и, более того, относятся к ней критически. **Ф. Энгельс** и **В. И. Ленин** не стремились к созданию глобальных метафизических систем. Обратимся к ленинскому учению о материи. «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [9, с. 117].

Определение вызвало критику, которую, в свою очередь, критически оценивает В. И. Ленин: «Богданов... возмущается подобными определениями, которые, видите ли, “оказываются простыми по-

вторениями” той “формулы” <...> что для одного направления в философии материя есть первичное, дух — вторичное, для другого направления наоборот. А между тем самое небольшое размышление могло бы показать этим людям, что нельзя дать иного определения двух последних понятий гносеологии, кроме как указания на то, которое из них берется за первичное» [9, с. 133]. Другими словами, исходных категорий для построения философского учения, согласно В. И. Ленину, две, определить их можно одну через другую как первичную и вторичную.

Перейдем к атрибутам. «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» [14, с. 391]. Таким образом, материя включает в себя дух (мышление), включенный в атрибут движения. Собственно, наше суждение прямо вытекает из принципа материального единства мира: «В мире нет ничего кроме движущейся материи...» [9, с. 133]. Если же материя включает в себя все, вплоть до мышления, она по своему бесконечному объему тождественна гегелевскому бытию и спинозовской субстанции и, соответственно, не поддается определению, а учение о материи является метафизическим учением.

Учение о первичности материи с замечательной последовательностью применяется Ф. Энгельсом и В. И. Лениным к различным областям объективного и субъективного: практике в различных ее формах, познанию, общественным отношениям, истории (в том числе истории философии) военному делу и др. Названные области в терминологии Спинозы правомерно определить как модусы: «Под *модусом* я разумею состояние субстанции (Substantiae affectio), иными словами, то, что существует в другом и представляется через это другое». [12, с. 361].

Все упомянутые нами выше авторы отличаются одной общей особенностью — это европейцы. В связи с этим можно было бы предположить, что метафизика, как мы ее понимаем — типично западное, европейское учение. Поэтому стоит обратиться к восточному миру. **Сиддхартха Гаутама (Будда)** создал учение о том, как следует жить.

Удовлетворение желаний в конечном счете ведет к страданию. Аскетизм труден и мучителен, но от страданий тоже не спасает. С последним суждением невозможно не согласиться. Достаточно вспомнить трудности христианских отшельни-

ков, которые удалялись от мира с его соблазнами, намереваясь обратить все свои помыслы к Богу. Дьявол начинал их искушать, а борьба с искушениями была в высшей степени мучительной, что подтверждается, в частности, избытком живописных произведений с названиями «Искушение святого...».

При наличии крайностей обычно ищут «золотую середину», что редко оказывается результативным, поскольку середина «склонна» смещаться к тому или иному полюсу. Будда принимает радикальное решение — восьмеричный путь спасения, ведущий к новому качественному состоянию, Нирване. Не будем приводить ее описаний, в избытке присутствующих в литературе. Попробуем охарактеризовать нирвану в привычных философских категориях субъекта и объекта.

Наше обычное состояние сводится к состоянию субъекта, ощущающего, преобразующего, созерцающего, мыслящего объект. Восьмеричный путь спасения предписывает и учит, как посредством сосредоточения избавиться от эмоций, даже от радости, даже от ощущения своей телесности. В этом состоянии человек уже не воспринимает объекта, а, следовательно, не осознает себя как субъект. Возникает качественно новое душевное состояние — Нирвана.

Едва ли можно охарактеризовать Нирвану как удовольствие. Человек эмоционально теряет свою индивидуальность, растворяясь в мировом целом, во вселенной. С. Радхакришнан пишет: «В период, когда в мире, полном жизни, суматохи и возбуждения, не было никакой надежды для людей, уставших от существования, совершенное состояние представляется скорее спокойным, нежели романтическим, — это состояние покоя, счастья, тишины и мира, отдыха и освежения. Беспредельный поток нового рождения ощущается с такой силой, что нирвану, то есть состояние, в котором поток будто бы останавливается, приветствуют как благословенное освобождение» [10, с. 384].

Желающие достичь нирваны были и есть, а те, кто пережил однажды это состояние, не могут его забыть и мечтают о повторении, а желания, которые раньше были мучительны, становятся гораздо менее острыми. Вокруг Будды образуется круг учеников, которых надо готовить к прохождению восьмеричного пути. Один из важных шагов — преодоление привычных привязанностей. Важный аргумент против них состоит в признании всеобщей изменчивости: все вещи и существа находятся в непрерывном изменении. Мы воспринимаем их как тождественные себе, но это неверно, они уже

изменились, а наша привязанность уже необоснованно распространяется на новое, не заслуживающее привязанности состояние. Но как можно понять изменчивость, если вообще нет постоянства? Решая этот вопрос, Будда придает Нирване фундаментальное онтологическое понимание.

«Если мы смотрим на нирвану как на положительное состояние, тогда мы должны допустить реальность чего-то постоянного». Будда вынужден признать некое постоянное начало. «Есть, о ученики, нечто не рожденное, не созданное, не сделанное, не составленное. Если бы этого не было, о ученики, этого чего-то не рожденного <...> не было бы возможного исхода для того, что рождено». «О нирване мы не можем сказать, что она возникла, или что она не возникла, или что она может возникнуть; что она есть прошедшая, или будущая, или настоящая» [10, с. 384–385].

Как видим, что нирвана как постоянная онтологическая основа изменений при ближайшем рассмотрении принципиально не отличается от субстанции и бытия, а ее соотнесение со всем тем, «что рождено», дает привычную для европейской философии метафизическую конструкцию.

В европейской философии в свое время появились авторы, стремящиеся в своих работах отойти от метафизики и сделать предметом своих учений жизнь. Одним из первых был **А. Шопенгауэр**, для которого стремление к новизне существенно усиливалось личной неприязнью к Гегелю. Шопенгауэр старался писать о реальных человеческих проблемах, причем писать так, чтобы это было понятно не-философам. Ему это удалось, но начало творения «философии жизни» весьма характерно. Исходное понятие — воля. Обратимся к ее характеристикам.

«Воля, как вещь сама в себе, вполне отлична от своего явления и вполне свободна от всех его форм, в которые она входит только при проявлении и которые, следовательно, касаются только ее объективации, а ей самой чужды». Иначе говоря, воля как нечто исходное лишена определенности, качественных характеристик, так же как бытие, субстанция, единое-Первоединый, фармакон, материя, включившая в себя сознание.

«Воля как вещь сама в себе <...> находится вне закона основания во всех его образах и, следовательно, вполне безосновна, тогда как каждое ее проявление непременно подчинено закону основания». Уместным здесь будет добавление, позаимствованное из «Диссеминации»: «это предшествующая среда, в которой осуществляется сама дифференциация...» [6, с. 158].

Правда, воля А. Шопенгауэра, в отличие от ранее упомянутых «предельных» категорий, имеет совершенно определенный ценностный вектор: будучи безразличной к индивидам, она заботится о роде. Но и здесь Шопенгауэр сохраняет верность линии Платона: истинная реальность присуща только идеям. Идея, то есть род, недоступна для постоянной смены индивидуумов. «Вот почему Платон только *идеям*, т.е. родам приписывал настоящее бытие, индивидуумам же — лишь постоянное возникновение и уничтожение» [6, с. 103].

О. Ф. Больнов в работе «Философия экзистенциализма» обобщил ключевые идеи этого философского направления так, что его метафизическая основа оказалась очевидной. На вершине обнаруживается экзистенциальное существование, которое наиболее явно выражается в экзистенциальном переживании. «Обозначаемое понятием экзистенциального существования наиболее сокровенное ядро человека в его своеобразии выступает как нечто действительно предельное и безусловное ...». Ядро очерчивается, если из всего внешнего и внутреннего опыта исключить все, о чем можно сказать «я имею», или «я имел бы», — от навыков и правил вплоть до сокровенной этической сферы [1, с. 37–38]. Идея исключения содержания опыта дополняется сравнением с христианством и «азиатской мыслью» в версии А. Шопенгауэра: блаженству христианской мистики противопоставляются страх и отчаяние, а «азиатскому» созерцанию — напряжение и решимость.

Неопределенность экзистенциального существования (едва ли его ядро четко очерчивается названным выше способом) противостоит конкретике, «понятности» обыденной жизни — сферы “*man*”, или «неподлинного бытия». Здесь господствуют молва, любопытство и двусмысленность, а переходу к подлинности мешает масса, подавляющая восхождение.

Оказывается, что «невозможно пошаговое приближение к подлинности — к данному состоянию своего бытия человек приближается лишь в категоричном отказе от состояния неподлинности» [1, с. 53], чему мешает связанность ситуацией. Далее развивается тема пограничной ситуации (преимущественно смертельной), способствующей переходу к подлинности — к метафизическому началу.

Подведем некоторые итоги. Метафизическим системам, о которых шла речь выше, присуща общая черта. Их основание задано «предельной» категорией, которую (каждую из них) отличает следующее. Во-первых, ее содержание не фиксиру-

ется чувствами как определенный объект. Бытие (оно же — ничто), благо, единое (Первоединый), субстанция, материя в ее целостности, нирвана в ее онтологическом значении, воля как вещь сама в себе, экзистенциальное существование и переживание — равным образом лишены четких очертаний, чувственно фиксируемой определенности. Во-вторых, она не может быть строго определена. Едва ли мы уйдем слишком далеко от истины, если скажем, что предельные понятия метафизики означают **то-чего-нет**.

Тем не менее, каждая из предельных категорий так или иначе определяет относительно «конкретное» содержание, присущее метафизической системе. Так, бесстрастное гегелевское бытие «ведет» к категориям, на языке которых выражаются общие закономерности наличного бытия и сущности, бесстрастные относительно того материала, в котором они реализуются. Экзистенциальное переживание, отрицающее значительную часть жизненного опыта, ведет к характеристикам неподлинного бытия, достаточно четким и ясным.

Если современному автору вдруг придет в голову создать новую метафизическую систему, весьма вероятно, что она будет более или менее соответствовать имеющимся образцам. Что же именно побудило сделать первые шаги на этом пути, представить нелегко. Обратимся к греческим философам. Представим ситуацию: нам известны скорость и направление движения тела. Нетрудно определить, где именно оно окажется через определенный промежуток времени. Если же нам известно, где именно тело находится сейчас, то вероятно множество более или менее правдоподобных предположений о том, как именно оно в этой точке оказалось. В подобной ситуации находились первые философы: мир сейчас такой-то. Спрашивается, как именно, на какой основе он пришел в это состояние? Практически одновременно появляются различные версии первоначала: вода, воздух, апейрон, огонь, ум, число. Список можно было увеличивать и дальше по мере живости фантазии, тем более что появление в ряду первоначал ума и числа уже вывело творческое воображение за пределы первостихий, количество которых ограничено. Но поскольку некоторое количество первоначал уже предложено, возможен и вопрос о том, есть ли нечто общее для всего ряда. Что объединяет, к примеру, воду и ум? Очевидно только одно: они есть. Так появляется качественно новое истинно метафизическое начало: сущее — то, что есть. В то же время сущее само по себе не существует, реально существует многое, а не единое.

Решил ли Парменид, что расширение ряда конкретной ничего нового не дает, или руководствовался какими-то другими соображениями, мы уже не узнаем.

Перед Буддой также стояла задача, которая допускала множество вариантов решения: задача выбора жизненной стратегии — пути. Между крайними вариантами: безудержным удовлетворением желаний и предельным аскетизмом — имеется множество компромиссных вариантов, реализующих идею золотой середины. Многие из них уже найдены и опробованы, но всегда есть возможность найти еще один. Будда вместо компромисса предлагает сделать шаг в бесконечность, эмоциональное слияние с мировым целым, растворение в нем. Те немногие, кому это удалось, не стремятся иссушить тело и душу аскезой, но прежние желания теряют для них остроту. Внутренняя, душевная жизнь сказывается ценнее внешней. В началах метафизики намечается своеобразное сближение типично западного и типично восточного мировоззрений.

Метафизика при всем ее интеллектуализме традиционно вызывала сомнения в своей «полезности». Если, как было сказано выше, она строится на фундаменте того-чего-нет, то не является ли создание метафизических конструкций интеллектуальной игрой, не имеющей никакой ценности за пределами метафизического «поля»? Для сравнения правомерно обратиться к науке, ценность которой крайне редко вызывает сомнения.

Взаимоотношения метафизики и науки не раз бывали предметом обсуждения. Наиболее типичные позиции сводятся к следующему: 1) метафизика и наука никак не влияют друг на друга; 2) метафизика влияет на науку; 3) наука влияет на метафизику [7, с. 77].

Ю. С. Владимиров на материале современной физики выделяет ряд ключевых метафизических принципов, явно или неявно присутствующих в физических исследованиях, например принцип дуализма, принцип фундаментальной симметрии и др. [2]. Выявление приведенных принципов свидетельствует, во-первых, о глубоком проникновении метафизики в физику, во-вторых, о наличии элементов синтеза современной физики и метафизики. В то же время возможность глубокого проникновения метафизики в современную науку не отрицает важности философского осмысления основ наук — общеизвестных, привычных, а потому вроде бы не вызывающих сомнений и вопросов.

Например, все обозначения в физических формулах означают не конкретные силы, массы, уско-

рения и др. Они допускают любые возможные значения, выражают сущности, то есть соответствуют платоновским идеям. Формула в целом, фиксирующая закон, отсылает нас к гегелевской диалектике, поскольку закон раскрывает сущность того или иного процесса. Наконец, когда группа открытых законов объединится в теоретическое целое, обнаружится, что в основе теории находится идеальный (или идеализированный) объект: точечная масса, идеальный газ и др. Идеальные объекты не обладают предельной широтой исходных понятий метафизики, поскольку они призваны выразить сущность групп исследуемых процессов, имеют определенное содержание. Тем не менее они точно соответствуют обозначению того-чего-нет. В биологии мы встретим, например, вид, тогда как реально есть только индивиды, в лингвистике обнаружим абстракцию языка.

Интеллектуальные конструкции в науках, подобные метафизическим построениям, не всегда создаются планомерно. Они возникают самыми разнообразными путями. Так, история в свое время стала наукой в точном смысле этого термина благодаря синтезу христианской теологической мысли с платоновской философией, который обусловил начало ее содержательной периодизации. Периоды до и после рождества Христова стали различаться не только количественно, но и качественно (или, скорее, сущностно), как мрак и свет [1]. Христианство показало и перспективу исторического процесса — прекрасное, но неопределенное состояние человечества, которое должно наступить после страшного суда, — предтеча будущих идеальных объектов.

Далее идея периодизации начала развиваться, сохраняя содержательный характер. Один из наиболее известных вариантов: развитие общества от одной социально-экономической формации к другой по направлению к коммунизму. Таким образом, историческая наука приобрела привычный вид. Читатель, увлеченный повествованием об исторических событиях, нередко даже не задумывается о том, что, например, феодализм сам по себе есть то-чего-нет.

Герменевтическая традиция применительно к исторической науке акцентирует внимание на том, что история призвана делать акцент не столько на причинах исторических событий, сколько на том, как они происходили, призвана помочь понять прошлое в форме переживания. Чтобы пережить, прочувствовать события прошлого, как если бы они происходили с нами, мы должны понять дух эпохи — то-чего-нет.

Выводы

Упомянутые в нашем тексте метафизические системы обладают сходным строением. В основании обнаруживается предельная категория, содержание которой не может быть зафиксировано чувствами и строго определено. Таковы, например, бытие (оно же — ничто), благо, *pharmakon*, единое (Первоединый), субстанция, материя в ее целостности, нирвана в ее онтологическом значении, воля как вещь сама в себе, экзистенциальное существование и переживание.

1. Каждая из предельных категорий так или иначе определяет относительно «конкретное» содержание, присущее той или иной метафизической системе. Конкретность проявляется в категориальном аппарате, соответствующем пафосу исходной позиции, направленности развития метафизической системы.

2. Научное познание воспроизводит аналогичную структуру, поскольку опирается на базовые категории, выражающие сущность исследуемой предметной области, но обозначающие идеализированные объекты, реально не существующие.

Список источников

1. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. СПб: Лань, 1999. 224 с.
2. Владимиров Ю. С. Метафизическое единство физики, математики и философии // Метафизика. 2023. № 2. С. 8–22.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Часть 1. Логика // Гегель Г. Соч. в 14 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. Т.1. 367 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.
5. Денисова Л. В. Догматическое основание метафизических систем. Омск: Юридический институт МВД России, 1999. 243 с.
6. Деррида Ж. Диссеминация. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 608 с.
7. Игнатова Н. Ю. Метафизические компоненты научных картин мира // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 2 (33). С. 74–80.
8. Коллигвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.
9. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Соч. Т. 14.
10. Радхакришнан С. Индийская философия. В 2-х т. Т.1. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 623 с.
11. Рассел Б. История Западной философии: В 2 т. Т.1. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. 464 с.
12. Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. Произв. В 2-х т. Т.1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 359–618.
13. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1993. 479 с.
14. Энгельс Ф. Основные формы движения // Диалектика природы. Соч. Т. 20. С. 391–407.

Информация об авторах

Д. М. Федяев, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии.

Н. Д. Федяева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и лингводидактики, декан филологического факультета.

Information about the authors

D. M. Fedyaev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy.

N. D. Fedyaeva, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Linguodidactics, Dean of the Faculty of Philology.

Статья поступила в редакцию 10.07.2025; одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 10.07.2025; approved after reviewing 25.08.2025; accepted for publication 29.08.2025

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.